

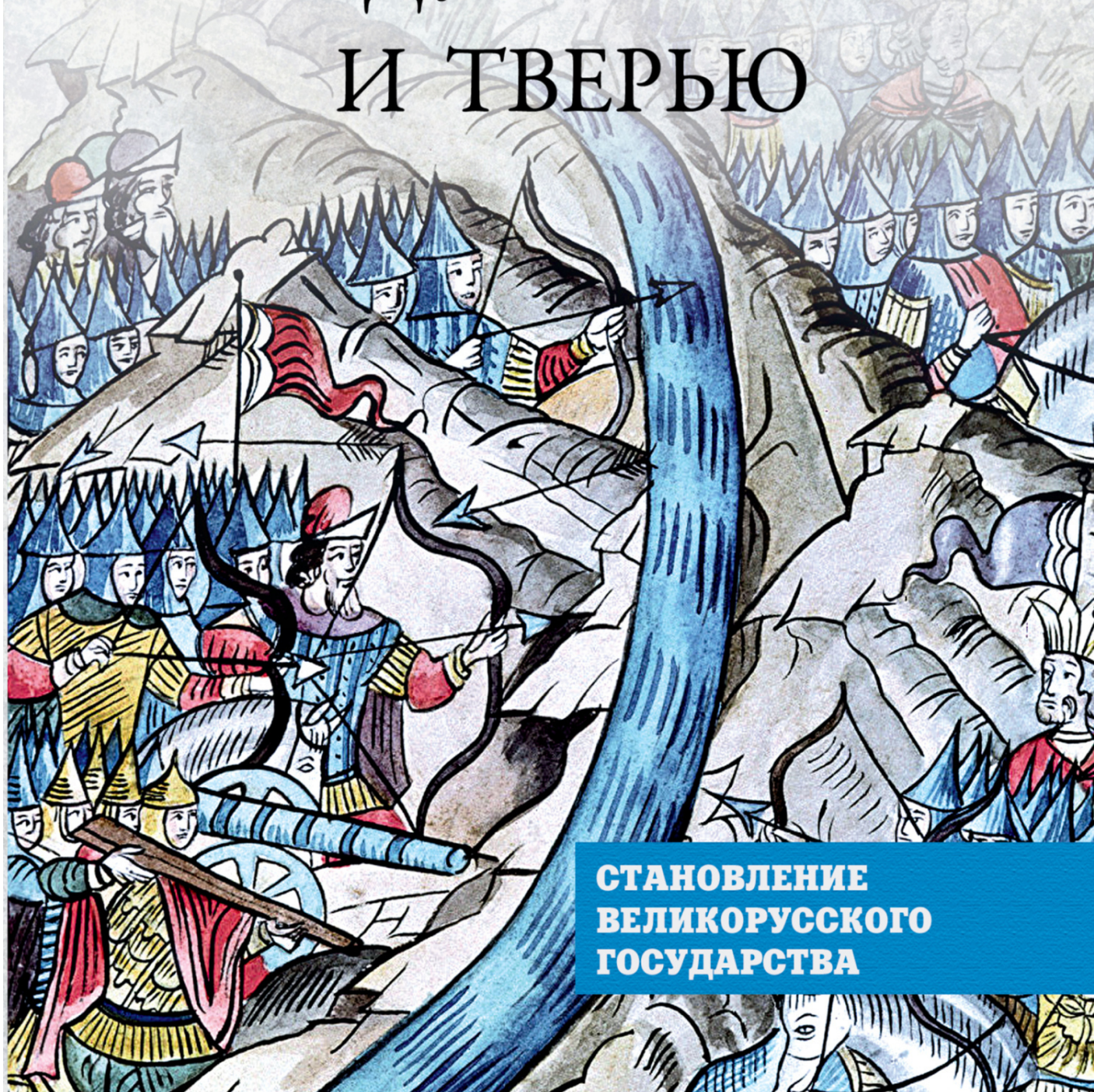
РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Александр Пресняков

МЕЖДУ МОСКВОЙ И ТВЕРЬЮ

**СТАНОВЛЕНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

Русская история (Вече)

Александр Пресняков

**Между Москвой и
Тверью. Становление
Великорусского государства**

«ВЕЧЕ»

1918

Пресняков А. Е.

Между Москвой и Тверью. Становление Великорусского государства / А. Е. Пресняков — «ВЕЧЕ», 1918 — (Русская история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8547-3

Книга видного, но неоправданно забытого сегодня русского историка Александра Евгеньевича Преснякова (1870—1929) представляет собой часть его фундаментального труда о становлении единого Русского государства в период после монгольского нашествия. Огромный массив исторических документов раскрывает множество неожиданных интересных сторон этого длительного и непростого процесса.

ISBN 978-5-4484-8547-3

© Пресняков А. Е., 1918

© ВЕЧЕ, 1918

Содержание

Введение	7
1. Историографические заметки	7
2. Северо-Восточная Русь до татарского нашествия. Ростовско-Суздальская земля в XII—XIII веках	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Пресняков

Между Москвой и Тверью. Становление Великорусского государства

Знак информационной продукции 12+

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Не много в этой книге «нового». Она трактует тему достаточно избитую, на основании материала, давно изданного, общеизвестного. Ее задача восстановить по возможности права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории – образовании Великорусского государства. Ранняя история Северо-Восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы. Поэтому, с одной стороны, немало этих данных, не подходивших к принятым схемой положениям, осталось вне внимания историков, вне их обобщений, а с другой – широкие обобщения схемы не считались с хронологической последовательностью основных явлений изучаемой эволюции и разрывали подлинную связь их между собой. Попытка полнее использовать фактический материал при некотором внимании к хронологическому моменту изменила всю историческую перспективу эпохи и представление о характерных ее чертах. На первый план выдвинулась сила «великокняжеской» традиции, иными представились понятия «удела», «вотчинного княжества», иной и вся эволюция междукняжеских отношений. Иначе пришлось подойти и к источникам. Княжие духовные и договорные грамоты раскрывают подлинный свой смысл только при условии изучения каждой в связи с создавшими ее отношениями, а взятые вне исторической обстановки, использованные притом для ответа на вопросы, каких они в виду не имели, ведут к ложным выводам, какие им навязаны традиционной историографической схемой. Летописные своды при безразличном пользовании разными их типами и редакциями, без учета создавших эти типы и редакции тенденций и литературных точек зрения, не дают всего, что могут дать и, что существеннее, позволяют предпочесть позднюю и нарочитую переделку текста подлинному, первоначальному историческому свидетельству; так часто и бывало, потому что Никонская летопись и зависимый от нее текст татищевской «Истории» лучше иллюстрировали принятую схему.

Предлагаемые «очерки» касаются только внешней истории образования Великорусского государства – ее междукняжеских отношений и развития великокняжеской политики. Внутренняя организационная работа великокняжеской власти осталась вне их задачи как особая сложная тема, разработка которой и по существу и по состоянию материала едва ли отделима

от углубленного изучения внутреннего строя Московского государства в XVI в., в эпоху, на пороге которой остановилось изложение «очерков». Поэтому они примыкают только к первой половине книги того же автора: «Княжое право в Древней Руси».

Появлением в свет эта книга обязана Археографической комиссии, принявшей ее в составе своей «Летописи занятий». С глубокой признательностью поминаю ценное личное содействие С.Ф. Платонова и правителя дел комиссии В.Г. Дружинина.

В заключение прошу читателей извинить меня за плохую корректуру и предварительно исправить указанные важнейшие описки и опечатки.

Введение

1. Историографические заметки

В 1904 г. М.С. Грушевский выступил по поводу предпринятого Императорской академией наук издания «Славянской энциклопедии» с решительным отрицанием обычной схемы русской истории и сделал попытку поставить по-новому вопрос о рациональном построении истории восточного славянства¹. Под «обычной схемой русской истории» М.С. Грушевский понимает порядок изложения, принятый в «общих курсах» и учебниках русской истории от доисторических судеб Восточной Европы и ее неславянского населения, через расселение славян, образование Киевского государства и его историю до второй половины XII века, к Великому княжеству Владимирскому и к истории Московского государства и далее к Российской империи XVIII и XIX вв. В таком изложении история русского юга и запада, земель украинско-русских и белорусских, остается вне кругозора, и лишь довольно внешне и случайно вовлекаются в него отдельные ее моменты, как Галицкое государство Даниила, образование Великого княжества Литовского и его уния с Польшей, церковная уния, казацкие войны, деяния Хмельницкого.

С точки зрения своих этнографических воззрений, М.С. Грушевский полагает, что задача «обычной» схемы – построить «общерусскую» историю – невозможна по существу, так как нет никакой «общерусской» народности, а на очереди – иная научная задача – построение, с одной стороны, истории украинского народа², а с другой – истории великорусской. Крайне нерациональным представляется ему соединение в одной схеме древней истории южнорусских племен, т.е. Киевского государства, с историей Владимиро-Московской Руси XII—XIV вв. Он отрывает от южнорусской истории ее начало, чтобы пристегнуть его к северному продолжению. А между тем *«киевский период перешел не во владими́ро-московский, а в галицко-во́лын-ский XIII в., потом литовско-польский XIV—XVI вв.»*.

Северо-Восточная Русь не была, по мнению М.С. Грушевского, «ни наследницей, ни преемницей» Руси Киевской, а «выросла на своем корню». Их взаимоотношения М.С. Грушевский готов уподобить отношениям между Римской империей и галльскими провинциями: «Киевское правительство пересадило в великорусские земли формы социально-политического строя, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева» – и только. Отсюда вывод: *«История великорусской народности остается, собственно, без начала; история образования великорусской народности остается до сих пор не выясненной, потому что за ее историей начинают следить с середины XII века»; непоставленной остается и проблема изучения «рецепции и модификации на великорусской почве киевских социально-политических форм, права, культуры»*.

Многим из читателей-великороссов точка зрения М.С. Грушевского может показаться парадоксальной, так как разрушает она привычное представление о «единой» истории «единого» русского народа. Однако она вовсе не так исключительна, как может на первый взгляд показаться. Напротив, не будет преувеличением назвать ее во многом характерной и для нашей «великорусской» историографии. Обусловленная у М.С. Грушевского потребностью отграничения украинской истории, в ее целом, от истории Великороссии, она может опереться на ряд выводов и суждений, принятых и разработанных в трудах «общерусской» исторической литературы.

Поучительны историографические судьбы критикуемой М.С. Грушевским «обычной схемы» русской истории. В вопросе о ее генезисе М.С. Грушевский примыкает к выводам П.Н.

Милюкова: «Схема эта стара, она получила свое начало в историографической схеме московских книжников, и в основе ее лежит генеалогическая идея – генеалогия московской династии».

П.Н. Милюкову принадлежит весьма ценное указание на эту «историографическую схему московских книжников» и ее определяющее влияние на изложение русской истории у наших историков XVIII и XIX столетий³. Влияние это усилено одним условием, поистине парадоксальным, которое П.Н. Милюков метко охарактеризовал в таких строках: «Когда в прошлом столетии русская историография начала постепенно осиливать свои источники, – источники эти встретили исследователя со своим готовым взглядом, сложившимся веками; немудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела исследователя по проторенным путям и складывала для него исторические факты в те же ряды, в какие эти факты уложились в свое время в умах современников; таким образом, исследователь воображал делать открытия, осмысливать историю, – а в сущности, он шел на плечах наших философов XV и XVI столетия»⁴. Два обстоятельства ослабили плодотворность этого наблюдения: П.Н. Милюков связал свое изучение московской исторической теории только с вопросом о «происхождении исторической схемы Карамзина и его предшественников» и отметил далеко не все ее элементы, оказавшие глубокое воздействие на представление ученых историков XIX века о древнерусском прошлом. Труд П.Н. Милюкова остался, к сожалению, незаконченным, иначе мы получили бы от него, без сомнения, более полную оценку воздействия московской книжнической историографии на труды не только историков XVIII в. и Карамзина, но и на построения С.М. Соловьева и его продолжателей.

Из элементов этого воздействия, указанных П.Н. Милюковым, наиболее существенным и устойчивым оказалось установление «идеи торжества и наследственной связи московской и киевской государственной власти» как «исторической аксиомы». «Аксиома» эта была использована московской властью во времена Ивана III и Василия Ивановича для обоснования притязаний Москвы на все наследие князей Рюрикова рода: в спорах с литовскими великими князьями московская дипломатия ссылается от имени своих государей на то, что «вся русская земля, Божьей волею, из старины от наших прародителей наша вотчина» – и Киев, и Смоленск, и Полоцк, и Витебск, и «иные города». Выступая с такими притязаниями, «московские дипломаты поставили русской политике цели, которые удалось осуществить только через два с половиной столетия». Вот в этих-то «политических идеалах московских дипломатов XV века», в их стремлении так широко определить «задачи будущего», что подобная программа представляется – для их времени – выходящей далеко за пределы достижимого, П.Н. Милюков видит самый источник воззрения на «наследственную связь» московской и киевской государственной власти. Не буду сейчас останавливаться на выяснении, насколько корни этой «исторической аксиомы» московских книжников XV–XVI вв. глубже и старше, а самое ее «генеалогическое» освещение в духе московских вотчинно-династических притязаний и ее применение в дипломатической переписке – лишь дальнейшее развитие весьма старой традиции.

Пока отмечу лишь те историографические построения, которые были вызваны в нашей научной литературе потребностью наполнить «схему» реальным историческим содержанием, а посвящены были истолкованию периода, «промежуточного» между временами Киевской державы Владимира Мономаха и Мономашича Мстислава и Московским государством Ивана III.

Историография XVIII в., завершенная трудом Карамзина, удовлетворялась в этом отношении осуждением практических последствий дробления власти, следуя и тут, как указано П.Н. Милюковым, рассуждениям грамот Ивана III о вреде многовластия.

Первая наукообразная гипотеза, которая пыталась выяснить органическую связь северорусской истории с киевским прошлым, предложена М.П. Погодиным. Эта гипотеза отличалась большим формальным достоинством: она строила свое объяснение соотношения двух исторических моментов на глубокой основе этнографического единства переживавшей эти моменты среды – народной массы. Эта знаменитая «погодинская гипотеза» родилась под потрясаю-

щим впечатлением от наблюдения лингвистов, что в языке письменных памятников Киевской Руси «не было ничего малороссийского нынешнего». Присоединив к этому наблюдению соображение о том, что былины киевского цикла *«поются у нас везде – в Архангельске и Владимире, Костроме и Сибири»*, но не в Малороссии, Погодин пришел к выводу, что в Киеве издревле жило «великороссийское племя», по крайней мере, «великороссиянами» были поляне – население «Киева с окрестностями», а затем эти «великороссияне» «с Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским переселились на север, в землю Суздальскую»: сюда «ушло» и здесь «размножилось собственно великороссийское племя»⁵.

Погодинская гипотеза, раз принятая, была чревата глубокими последствиями для всего хода исторических исследований. Она давала возможность широко пользоваться данными, которые извлечены из наблюдений за исторической жизнью Русского Северо-Востока в позднейшие времена, в XV и XVI вв., для объяснения явлений древнерусской, киевской жизни. Такова, например, «попытка Погодина уяснить родовые княжеские счета счетами местническими»⁶, которая получила столь крупное значение в построениях С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского.

Погодинскому домыслу о массовом переселенческом движении населения с Киевского Юга на Северо-Восток как основной причине усиления Ростовско-Суздальской земли при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском чрезвычайно посчастливилось в нашей историографии. Домысел этот остался в ней прочной предпосылкой в изложении северорусской истории, давая внешне удобный переход от «киевского» периода к «владимирскому».

Однако дальнейшая разработка истории Северо-Восточной Руси направилась на выяснение не связи ее с прежней, киевской, а противоположности между ними. С «переходом» на новую территорию в новых географических и этнографических условиях русская история начинается как бы сызнова. Такая особенность наших исторических представлений объясняется общепринятым суждением о Северо-Восточной Руси XII в. как о стране «суровой и почти дикой»⁷, где на «почве новой, девственной» возник новый строй отношений, с тех пор как Андрей Боголюбский оборвал традицию связи старейшинства в земле Русской («великого княжения») с золотым столом киевским; *«север начинал свою историческую жизнь этим шагом князя своего к новому порядку вещей»*⁸. Соловьев представлял себе Северо-Восточную Русь обширной областью, где «возвышался только один город, упоминаемый летописцем еще до прихода Варягов», – Ростов Великий, по которому и вся область получила название земли Ростовской. При Ярославе Владимировиче Ростов причислен к области южного Переяславля как владение Всеволода Ярославича. А далее: *«Скоро начали возникать около него города новые: сын Мономаха, Юрий, особенно прославил себя как строитель неутомимый; таким образом Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которых возвышался одинокий Ростов»*; *«Младшие» города «построены и населены князьями; получив от князя свое бытие, они необходимо считали себя его собственностью»*⁹. В этом характере северорусских «младших» городов Соловьев видел основное условие развития «нового порядка», который он не считал возможным называть «удельным» по той причине, что видел Русь, разделенную не на «уделы», а на несколько независимых княжеств, из которых каждое имело своего великого князя и своих удельных князей¹⁰; он и считал нужным *«исключить названия: удельный период, удельная система из истории княжеских отношений»*. Замечания эти не получили, однако, признание, так как и сам Соловьев существенной чертой «нового порядка», возникшего на севере, считал именно развитие той формы княжеского владения, которое называл «удельным». «Новые» города *«по своему происхождению смотрели на князя как на господина полновластного, и князь смотрел на них как на собственность неотъемлемую»*, здесь утвердилось понятие собственности, неотъемлемости, отдельности владения, переходящего из рода в род по воле князя-владельца; здесь *«собственность господствует над родовыми отношениями, каждый князь смотрит на себя как на отдельного владельца известной области, а*

не как уже на члена известного рода, известной линии»¹¹. Это владение, уже не стесненное ограничениями родового или семейного права, развившееся, «когда понятия собственности, наследственности владения начали господствовать над понятиями семейными»¹², Соловьев называет удельным, отождествляя удел с «опричниной»: «опричина» употребляется иногда в смысле удела, который «принадлежит князю в полную отдельную собственность»¹³.

Удел – собственность князя, которой он может «располагать произвольно», в частности по завещанию. Несмотря на такой «удельный» характер княжого владения, Соловьев не признает особого «удельного периода», так как видит в падении родовых отношений процесс постепенного торжества «отношений государственных». Как «отдельный владелец известной области», князь стоит во главе своего особого государства. Так, по поводу съезда князей во Владимире в 1296 г. Соловьев замечает: *«Этих съездов княжеских нельзя смешивать с прежними съездами родственников: теперь князья являлись не как братья, но как отдельные независимые владельцы»*¹⁴. Когда Русь распалась на две части – юго-западную и северо-восточную, а затем, в Северной Руси, *«Тверь и Москва стали великими княжениями, Рязань и Нижний Новгород последовали их примеру, явилось несколько особых родов княжеских, особых государств, независимых и враждебных друг другу»*, при этом *«родовые отношения князей между собою заменились отношениями их как правителей к своим подданным, когда земля, область, город привязали к себе князя тесными узами собственности, сделали его оседлым»*¹⁵. Идет упорная борьба между этими независимыми владельцами: *«Каждое движение князя было опасно для всех, ибо каждое движение было посягательством на чужую собственность»*. Но теперь на Великорусском Севере эта борьба более содержательна исторически, чем прежние усобицы: *«Дело идет о том – быть государем всей Русской земли или слугой этого государя»*¹⁶.

Соловьевская схема русской истории, с одной стороны, узаконивала по-своему представление о традиционной магистрали русской истории, идущей из Киева через Владимир в Москву. *«Первоначальная сцена русской истории, знаменитая водная дорога из Варяг в Греки, в конце XII века оказалась неспособной развить из себя крепкие основы государственного быта. Жизненные силы, следуя изначала определенному направлению, отливают от юго-запада к северо-востоку; народонаселение движется в этом направлении – и вместе с ним идет история»*. Конечно, от Соловьева не скрылось, что «история» не просто ушла с юга, а и там по-своему продолжалась. *«Несправедливо, – говорил он, – в научном отношении неверно и односторонне упускать из виду Юго-Западную Русь после отделения ее от Северо-Восточной, поверхностно только касаться событий ее истории, ее быта»*, но полагал, что «также несправедливо, также неверно историю Юго-Западной Руси ставить наряду с историей Северо-Восточной»¹⁷. Однако благодаря именно Соловьеву в нашей историографии укоренилось представление, что тот процесс, который им осмыслялся как переход родовых отношений в отношения владельческие и государственные, начавшийся на Киевском Юге, разыгрался собственно в Руси Северо-Восточной. Выяснение этого процесса получило одностороннее направление, так как он оказался в зависимости от местных северорусских условий – по существу, как особенность северорусской истории. Соловьев видел, что «те же самые понятия о собственности, о преемстве от отца к сыну, о праве завещания» развились и в Южной Руси в эпоху разложения старого Киевского государства, но не использовал этих наблюдений для своих историко-социологических обобщений, потому что признал эти явления южнорусской истории каким-то налетом иноземного влияния, хотя и признавал значение «обстоятельств исторических» для их «необходимого утверждения»¹⁸.

Так, с другой стороны, соловьевская схема скорее разрушала, чем углубляла представление об органической исторической связи северорусской истории с южнокиевской. Южнорусские «родовые» начала, перенесенные на север, попали в условия, где им оставалось только более или менее быстро погибать и разлагаться по полному их несоответствию отношениям жизни заново колонизируемого полудикого края.

Схема эта обусловила особую постановку вопроса об «образовании Московского государства». Мысль историка, выясняющего, как родовые отношения сменились государственными, спешит от Киева к Москве. Для «истории России с древнейших времен» важно одно: смена принципов, на которых строилось ее единство. Там в киевскую эпоху *«связью между частями государства служило родовое отношение владельца каждой части к владельцам других частей и к самому старшему из них»*. Тут, на севере, образуется Московское государство на развалинах старого «родового» строя¹⁹. Весь смысл периода, промежуточного между историей Киевской державы и государства Ивана III, – в разложении родовых связей и усилении Москвы.

Момент перелома – в деятельности Андрея Боголюбского, который «пренебрег югом» и «начал новый порядок вещей». Младшие князья *«ясно понимают, что он хочет переменить прежние родовые отношения на новые, государственные, хочет обращаться с ними не как с равноправными родственниками, но как с подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, в которой мало-помалу младшие должны признать новые отношения, должны подчиниться старшему, как подданные – государю»*. Задача историка выяснить, как формировались характер и взгляды Андрея – он питомец чуждого южным традициям севера, – а затем следить за борьбой родовых отношений с государственными, вплоть до ее завершения в XVI в. полным торжеством этих последних. К государственному властвованию стремился Андрей и по отношению к боярам: он, по Соловьеву, ясно поставил задачу стремления не только к единодержавию, но и к самовластию, в духе самодержавия XVI в.²⁰, и погиб в столкновении с враждебными силами. Но «переход от значения великого князя, как старшего в роде, зависимого от родичей, к значению государя» осуществился, как скоро он получил «независимость от родичей» и «материальную силу». Первая создана развитием тех самых отношений, которые воспитали на севере Андрея Боголюбского, – «господства владельческих отношений с презрением родовых счетов»; вторая – благоприятными условиями возвышения Москвы. Положительной стороной исторического процесса, пережитого Северной Русью в XIV—XV вв., и осталось одно это «возвышение Москвы»; поэтому важнейшей задачей историка будет выяснение его «причин».

Так Соловьев утвердил характерную для всей нашей историографии подмену вопроса об образовании великорусского государства частным вопросом о «причинах возвышения Москвы», с перечня которых обычно и начинается у нас история Московского государства. Впрочем, сам Соловьев не сделал этого рокового шага, вернее, ограничил его значение рядом широких общих соображений по поводу образования Русского государства. Он признал это явление органическим, т.е. таким, где «государства, при самом рождении своем, вследствие племенных и преимущественно географических условий являются уже в тех же почти границах, в каких им предназначено действовать впоследствии; потом наступает для всех государств долгий, тяжкий, болезненный процесс внутреннего возрастания и укрепления, в начале которого государства эти являются, обыкновенно, в видимом разделении; потом это разделение мало-помалу исчезает, уступая место единству: государство образуется». При возникновении Русского государства *«страна была громадна, но пустынна; племена редко разбросались на огромных пространствах по рекам; новое государство, пользуясь этим удобством водяных путей во всех направлениях, быстро обхватило племена, быстро наметило громадную для себя область; но эта область по-прежнему оставалась пустынной данного, кроме почвы, большей частью не было ничего, – нужно было все населить, все устроить, все создать»*. Настал «долгий, тяжкий, болезненный период внутреннего возрастания, укрепления». Этот период «начал проходить для Руси», когда «образовалось крепкое государственное средоточие»: Северо-Восточная Русь собирается около Москвы. Так, намечены в отвлеченной формуле широкие задачи исследования, которые могли бы наполнить ее конкретным историческим содержанием на тему о «внутреннем возрастании и укреплении», его факторах и

условиях, о ходе процесса, который привел к образованию обширного и внутренне сплоченного Русского государства. Важно, кажется, отметить, что Соловьев ставил эту задачу, хотя на деле выдвинул на первый план при изучении собирания Северо-Восточной Руси в одно целое вопрос о «причинах, почему оно собирается вокруг Москвы», о «препятствиях» и «пособиях», какие встретились московским князьям в их стремлении усилиться, подчинить себе остальных князей, отбить татар и литву, увеличить свою власть над населением²¹.

То, что Соловьев дал в конкретном историческом изложении, было уже его замыслов. В этом можно усмотреть одну из основных причин, почему и у критиков его, и у его продолжателей образование Московского государства оказалось явлением, подходящим не под тот «вид» образования государств, под который он сам его подводил, а под одну из намеченных им разновидностей «образования неорганического», когда государства «составляются нарастанием извне, внешним присоединением частей».

Еще в 1834 г. появилась в «Ученых записках Московского университета»²² статья Н.В. Станкевича «О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III»; студенческая работа Станкевича рассматривалась позднее (Вешняков, Полежаев) как изложение мнений проф. Каченовского. Ссылаясь на Геерена и Гизо, Станкевич берет исходным положением исследование значения централизации, т.е. «совокупление в одно неразрывное целое», как «первого момента политической значительности народа» и «преобладания одного города, одной области, одного владельца над другими», как «первого условия внутреннего соединения, централизации». Отсюда важность «постепенного возвышения Москвы», с которым «тесно и неразрывно соединен ход России к политическому существованию». Работа Станкевича наметила осто́в обычных перечней «причин» возвышения Москвы. Москва, «по всей вероятности, существованием своим одолжена югу, как и все города, ее окружающие»; это последнее уже Станкевич доказывает тем, что «множество городов и урочищ Северной России носит одинаковые названия с южными». Затем выдвигается положение, что *«Москва не одной личности князей своих одолжена своим возвышением»*, что *«она не есть произведение одной из сил, механически совокупившей разрозненные дотоле области»*; прочное господство Москва приобрела потому, что между нею и русскими областями была связь «более естественная, органическая», которая сделала Москву не только властительницей, но и сердцем России. Но далее идет вместо анализа этой «органической связи» перечень «главных условий» успеха Москвы: географическое положение (центральное положение среди системы северных княжений, приток переселенцев, большая безопасность от врагов); нашествие и господство монголов (отделение от Южной Руси, опустошение Владимирского княжества, покровительство ханов, обогащение данью); пребывание митрополита в Москве (духовный центр и поддержка московской политики духовной властью); характер князей, их политика и внешние отношения²³. Такая постановка вопроса стала традиционной, тем более что переработка соловьевской схемы в трудах К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина лишь укрепила и углубила основание для представления о полном разрушении в Северо-Восточной Руси в XIII—XIV вв. традиции политического единства и о возникновении его заново путем разрастания силы и владений московских князей.

С.М. Соловьев потому отрицал научную пользу выделения в истории Древней Руси особого «удельного» периода, что существенной признал для нее лишь смену двух систем политического объединения: родового строя междукняжеских отношений в Киевской Руси, которая не знала «отдельных» владений, и – государственных отношений, которыми власть московских государей сковала Русь Северную в единое политическое целое; распад Руси на две части – северную и юго-западную, разделение первой на ряд независимых великих княжений, дробление земель ее на «уделы» – владельческие опричнины – все это оказалось только внешними моментами, не пригодными для построения содержательной схемы русского исторического процесса.

Иначе взглянули на этот вопрос историки-юристы. К.Д. Кавелин придал моменту «отдельного владения» особое значение, признав господство «вотчинных начал» в устройстве и управлении княжеств существенной чертой строя русской политической и правовой жизни XII—XIV вв., притом достаточно яркой и широкой для того, чтобы сыграть определяющую роль в периодизации русского исторического процесса. Признавая, подобно Соловьеву, что *«государственный, политический элемент один сосредоточивает в себе весь интерес и всю жизнь Древней Руси»*, Кавелин находит, что *«история наших князей представляет совершенно естественное перерождение кровного быта в юридический и гражданский»*. Разложение родового строя междукняжеских отношений – древнейшей формы русского политического быта – ведет к торжеству «вотчинного, семейного начала», при котором возникает мысль, что «княжеская вотчина – наследственная собственность, которой владелец может распорядиться безусловно», а когда эта мысль окрепла, то «территориальные, владельческие интересы» взяли верх над кровными и родственными. Их окончательная победа осуществляется с уничтожением «уделов» и объединением Северной Руси в Московское государство. Соловьевскому домыслу о значении колонизации и «новых городов» для разрушения родового строя Кавелин противопоставил утверждение, что *«никаких сильных переворотов в составе нашего отечества не происходило»*, а *«все изменения, происшедшие постепенно в политическом быту России, развились органически из самого патриархального, родового быта»*. В знаменитых статьях своих Кавелин дал стройную схему этого органического развития, логичная «органичность» которой, однако, прорезана признанием за Андреем Боголюбским исключительного значения: благодаря особенностям воспитания князя Андрея на севере в «этом замечательном историческом лице впервые воплощается в государственном быте Древней России новый тип – тип вотчинника, господина, неограниченного владельца своих имений, тип, который еще определеннее высказывается потом о его брате и преемнике, Всеволоде Георгиевиче, и развивается окончательно в Москве». Воплощение этого типа в его окончательном развитии Кавелин усматривает в Иване Калите и его преемниках, главная задача которых «умножить число своих имений», а великокняжеское достоинство – «лучшее средство для этой цели»; к ней идут столь успешно, что «быстро обращалась Россия в их наследственную вотчину». На этом пути разрушаются кровные связи – родовые в пользу семейных, семейные – в пользу личности – властного владельца земли, который отрицает их во имя идеи, «и эта идея – государство»²⁴.

Б.Н. Чичерин, опять-таки с точки зрения, что «существенное значение нашей истории состоит в развитии государства», на вопрос «когда возникло Русское государство?» дал ответ, исходящий из общего положения, что «нераздельность общества, территории и верховной власти, одним словом, единодержавие составляет первое и главное условие государственного быта». Понятно, что мы можем в таком случае говорить о государстве лишь с той поры, когда «устанавливается единодержавие в Московской земле». Что касается «юридической формы» Руси до XV в., то ее надо принять за «гражданское общество», а не за государство. Все отношения в ней построены на началах не государственного, а частного права: на собственности и свободном договоре. Родовой быт как основа всего общественного организма господствовал у нас до пришествия варягов; господство это и самое «общественное» значение родовых отношений разрушены водворением на Руси власти варяжских князей, и в Киевской Руси все отношения определяются сосуществованием двух начал, двух форм частного права – собственности и свободного договора, которые «существовали рядом, не исключая друг друга, но приходя в постоянные столкновения, ибо, в сущности, они друг другу противоречили». Ход древнерусской истории представлялся Чичерину в таких существенных чертах: *«Южная Россия не сумела разрешить этого внутреннего противоречия жизни, вследствие чего она осуждена была на бессилие. Оно разрешилось на севере, где оба начала разделились и каждое стало основой для отдельной формы гражданского быта. В Новгороде и Пскове развилась вольная община; в остальных же областях образовалось чисто вотчинное управление. Но вольная*

община исчезла у нас, не оставив по себе следа; Русское государство так же, как все другие европейские державы, образовалось из вотчинного элемента, ибо вотчинное право имело в себе гораздо более крепости, нежели свободный договор». Эпоха родового быта, господства кровных связей как единственной организующей общество силы отнесена Чичериным ко времени докняжескому, доисторическому. «Средняя эпоха» между той, первобытной, и образованием Московского государства «имеет свои жизненные начала», свою «систему общежития, основанную на частном праве». Отличие Киевской и Северо-Восточной Руси, строя жизни IX—XI и XII—XV вв. не имеют принципиального значения: вотчинное начало водворилось в русской жизни с варяжским завоеванием, в котором источник воззрения, что княжение – вотчинная собственность князя и вся земля принадлежит князю. «Все различие между первым временем и последующим состояло в том, что, пока сохранялось понятие о единстве княжеского рода, земля считалась принадлежностью целого рода, впоследствии же линии распались и каждый князь стал считать себя полным хозяином и владельцем своего участка»; «по мере того как затемнялась мысль об общем родстве, уничтожалось и понятие о единстве владения, о повиновении одного князя другому». Страна распадается на ряд обособленных владений. «Князья московские, рязанские, тверские договариваются между собою, как совершенно самостоятельные владельцы. Каждый князь стремится увеличить свой удел за счет других, и это он делает не с государственной целью, а ввиду увеличения собственности, умножения доходов». Усиление Москвы, соорудившей на владельческой основе здание единогодержавного господства над Северной Русью, создало Русское государство. А раз существенное значение нашей истории «состоит в развитии государства», то эта история, в настоящем смысле слова, и начинается с возвышения Москвы. Опираясь на историко-социологические размышления Гизо, Чичерин полагал, что «все народные элементы в Средние века мы должны признать за выражение слабости или дикой силы». Напротив, «первое возникновение разумной силы является в князьях-вотчинниках, которых раздробленные стремления впоследствии покорились единому центру, постепенно собравшему вокруг себя все разнообразные элементы, из которых сложилось Русское государство»²⁵.

Некоторое и притом весьма существенное расширение задач и данных для изучения исторического процесса, приведшего к образованию Московского государства, находим в трудах В.И. Сергеевича. Изучая вопрос «как и из чего образовалась территория Московского государства?», Сергеевич обработал в блестящем историческом очерке «историю Ростовской волости»; очерк этот, несколько сжатый, вошел в отдел «Древностей русского права», посвященный «государственной территории». Эту работу выдвигал политическую роль и особые политические тенденции северорусского боярства, подготавливая развитие мысли, высказанной В.И. Сергеевичем еще в 1867 г. в «тезисах» для магистерского диспута: «Московское государство есть создание вольных бояр и слуг». Наблюдение Сергеевича над ролью бояр в политических судьбах Великороссии выводит вопрос об условиях образования Московского государства за рамки традиционной схемы, которая, по существу, сводила изучение этого процесса к описанию работы московских князей над «возвышением» Москвы и оценке условий, содействовавших ее успехам.

В.И. Сергеевич останавливается с особым ударением на «первенствующей деятельности ростовских бояр» в борьбе, которая разыгралась по убиении Андрея Боголюбского; усилие боярства двух старых городов – Ростова и Суздаля – направлены на поддержку «единства Ростовской волости», которое разбивалось «личными интересами князей». Осторожно оговаривая, что вовсе не желает «навязывать Добрыне Долгому с товарищами дальновидных политических планов», Сергеевич признает, что «будет, однако, односложно объяснять стремление лучших людей Ростовской волости к единству одними их эгоистическими побуждениями: невыгоды многокняжия с неизбежным его последствием – борьбою князей – были так очевидны, что лучшие люди могли желать единства волости и для блага земли». Их тен-

денциями проникся князь Константин Всеволодович, посаженный отцом в Ростове: *«Константин не смотрит на владения отца как на частную собственность, которую хозяин может дробить по усмотрению; ему присуща мысль о неделимом политическом целом»*. Так, «выгоды единовластия сознавались чуть не за сто лет до Ивана (Калиты) ростовскими боярами и настойчиво проводились ими в жизнь». От них пошла традиция, сохранившаяся среди московского боярства, в котором «большинство должно было состоять из бояр великого княжения владимирского». Бояре – «естественные сторонники объединительной политики»: *«Очевидно, среди них живет еще старая идея о целостности Ростовско-Владимирской волости, и вот они начинают восстанавливать старые границы этой волости, то прогоняя наследственных князей, то приводя их в зависимость от великого князя»*²⁶.

В.И. Сергеевич не поставил этих ценных наблюдений ни в какую связь с традициями киевского старейшинства. Установление такой связи противоречило бы его общему учению о древнерусском политическом быте, правовой формой которого был «волостной порядок государственного устройства» – сосуществование множества «небольших государств», волостей-княжений. В отличие от Чичерина междукняжеские отношения для Сергеевича – явление не частного, гражданского, а, скорее, международного права: княжеские съезды – съезды независимых государей, договоры князей – договоры суверенных владетелей²⁷. Этот «волостной порядок» – древнее той эпохи, о какой свидетельствуют древнейшие из исторических источников. Рассматривая деятельность русских князей от Рюрика до Дмитрия Донского, Сергеевич настаивает на полном господстве *«политической самостоятельности волостей»*, при которой *«до второй половины XIV века у князей вовсе не замечается стремление к образованию большого нераздельного государства, которое выходило бы за пределы волостного устройства»*²⁸. «Первое, но чисто внешнее объединение» получили северо-восточные княжения в подчинении их власти татарского хана. И татары *«в противность собственным своим интересам, явились проводниками начала объединения Русской земли под главенством великого князя владимирского»*²⁹. «Первая ясная мысль об образовании из нескольких волостей неделимого целого появляется только у московских князей. Но и у них не очень рано»: первый проблеск этой мысли Сергеевич видит в завещании Дмитрия Донского.

На таком общем фоне русской политической истории ростовские бояре и их преемники – великокняжеские бояре Владимира и Москвы выступают как-то неожиданно и непонятно. В пояснение, что же сделало их не только «естественными сторонниками объединительной политики», но и ее носителями, вопреки тенденциям политики князей, Сергеевич, допустив мимоходом, и то лишь по отношению к ростовским боярам, возможность иных мотивов, определенно подчеркивает только «личные интересы» бояр, их стремление к «богатым кормлениям», которых тем больше, чем меньше князей³⁰. Намек на более существенное и содержательное объяснение дан только в двукратном упоминании о «единстве» и «целости» Ростовской земли. В разборе «Древностей» Сергеевича Ф.В. Тарановский справедливо отметил, что «автор не дает нам достаточных объяснений по поводу того, каким образом традиция единства старой Ростово-Владимирской волости превратилась у бояр в стремление объединить эту и другие земли под властью новообразовавшегося Московского княжества», не выясняет причин, которые «повернули интересы бояр от целостности волостной старины в сторону образования более крупного политического объединения» и вызвали то «превращение выдвинутой боярами политики государственного единства в потребность народа», которое констатирует В.И. Сергеевич³¹.

Но Сергеевич не дает и объяснение, откуда взялись «объединительные» тенденции северорусского боярства, а без того невозможно выяснение исторического смысла и значения «сто-летнего опыта и столетних преданий», которые, по Сергеевичу, воспитали Ивана III. Организатор Московского государства опирался на «вековую практику великокняжеских бояр и собственных предков, которая должна была стать в старшей линии Дмитрия Донского семей-

ным преданием»³²; нельзя не пожалеть, что сам В.И. Сергеевич не разработал в высшей степени ценных замечаний своих о боярской политике, так как в них – указание на плодотворный путь выяснения условий, приведших к созданию Московского государства.

С точки зрения «древностей права» Сергеевич возвращается к отличию в истории России до Петра Великого тех же двух периодов, какие наметил С.М. Соловьев. Согласно Чичерину, он признает, что *«отличительная черта первого периода состоит в преобладании частной, личной воли и, соответственно этому, в относительной слабости начала общего, государственного»*, этот период «имеет свое наиболее полное выражение в княжеской России». *«Второй период, в противоположность первому, отличается преобладанием целого, естественные требования которого не были, да и не могли быть достаточно оценены и признаны в первом»*; этот период «ясно обозначился в московской России». «Столетия XIV и XV составляют широкую границу этих двух периодов», это *«время, когда характеристические черты второго периода получили уже такую силу, что окончательное торжество новых начал может уже быть просматриваемо»*³³. Соответственно тому, в позднейших изданиях «Лекций и исследований» отдел о «верховой власти» состоит из характеристики власти князя в «удельное» время и статьи о «власти московских государей»³⁴, причем первая выступает лишь в эпоху ее сосуществования с вечем, а характеристика строя междукняжеских отношений в XIV и XV вв. выделена в составе «Древностей» русского права без признания за княжеской властью этого времени свойств, принципиально существенных для науки истории русского права³⁵. Понимая под «уделом» княжеское владение самостоятельной волостью (небольшим, но суверенным государством), В.И. Сергеевич признает первыми «удельными» князьями сыновей Святослава Игоревича и, в отличие от Соловьева, не видит существенного различия между «удельными» владениями и «великими княжениями» Северной Руси³⁶. В отличие от Чичерина Сергеевич не подводит отношений Древней Руси под понятие «частноправовых», усматривая лишь «порядок частного наследования» и вообще «взгляд на княжение как на частную собственность князя» в княжеской среде; в завещании Симеона Гордого – момент, когда «в Московском княжении исчезла всякая государственная идея», а с Дмитрия Донского начинается нарастание нового, государственного начала³⁷.

Историко-догматические обобщения Чичерина и Сергеевича лишь по видимости и способу изложения упраздняли различие южнорусского, киевского и северорусского, владимиро-московского периодов русского исторического процесса. Их историко-правовые рассуждения оперируют над той же схемой, ведущей от Киева через Суздальщину к Москве, причем отношения, господствовавшие в Северо-Восточной Руси в XIV и XV вв., перенесены на Киевскую Русь и рассматриваются, особенно в трудах Сергеевича, как принципиально тождественные тем, какими определялся политический быт Южной Руси в предыдущую эпоху. За этими веками остается в общей схеме русской истории место переходной эпохи, лишенной сколько-нибудь характерной физиономии с точки зрения смены правовых форм властвования князей и общественного строя. Поэтому построение В.И. Сергеевича и не могли внести много нового в общее представление об условиях образования Московского государства, если не считать указанных выше его замечаний о роли боярства, которые, однако, не повлияли на общую концепцию правовых основ политического быта этой эпохи.

Историки пошли, естественно, по следам Соловьева и Кавелина, сглаживая в эклектических концепциях различие воззрений этих ученых. Характерна в этом отношении небольшая работа П.В. Полежаева «Московское княжество в первой половине XIV века», появившаяся в 1878 г. В общем понимании древнерусской политической истории Полежаев – под влиянием Чичерина и Сергеевича. *«До XIV столетия, – говорит он, – общественная жизнь славянских, варяго-русских княжеств проявилась лишь только преследованием сохранения тех начал, которые легли при самом образовании княжеств как самостоятельных единиц, а между тем эти начала, по самой природе своей, не могли, да и не способны были выработать*

силы, достаточной для органического развития государственных элементов. Необходим был поворот к более жизненному началу, и этот поворот совершился развитием Москвы». Для XIV—XV вв. Полежаев держит представления об особом «вотчинном» периоде, характерно сводя его содержание к «развитию Москвы»: Москва – вотчинный город, выросший из вотчинного села; с образованием Московского княжества «вечевой» период сменяется «вотчинным» или «московско-вотчинным» (до Ивана III); первая половина XIV в., когда «все сохранившиеся исторические памятники не представляют ни малейших следов государственного начала», это время, когда «совершалось развитие вотчинной власти князя». Признавая и Владимир – городом вечевым, Полежаев в происхождении Москвы из поселения на «вотчинной земле» видит «исключительное обстоятельство», благодаря которому «в Москве впервые явилась идея самодержавия в виде вотчинной власти князя». История Москвы до смерти Симеона Ивановича выясняет, как создано княжество, «выработавшее в себе те жизненные силы, которые в дальнейшем развитии своем привели к государственному строю». Для Полежаева с первой половины XIV в. «история этого княжества становится историей России». Поэтому основной задачей историка является выяснение причин возвышения Москвы, ответ на вопрос: «Почему именно Москве, а не другому какому-либо княжеству выпала счастливая доля сделаться фокусом всех русских интересов?»

Такая постановка вопроса об условиях, определивших образование Великорусского государства, окрепла в прочную историографическую традицию, стала своего рода «аксиомой» в построении русской истории. В.О. Ключевский явился и в «Боярской Думе», и в «Курсе русской истории» «как бы вторым творцом научных теорий, высказанных до него»; в истолковании политического строя Киевской Руси «принял установленную Соловьевым схему и только позаботился о том, чтобы дать ей иное обоснование». Учение об «очередном порядке княжеского владения в Киевской Руси»; «учение о колонизации северной верхневолжской Руси как основе нового политического порядка, установившегося в этой Руси и подготовившего Московское государство»; теория «удельного» владения и объяснение возвышения Москвы, ставшей зерном Русского государства, – у Ключевского – дальнейшее развитие и видоизменение выводов Соловьева и Чичерина. Конечно, Ключевский «сумел вложить в рецептированные схемы столько нового понимания и содержания, что в его интерпретации знакомые построения и факты приобретали совершенно новый смысл и как бы перерождались». Отвлеченные и сухие очертания этих «схем» наполнились живым бытовым содержанием, обросли деталями социальных отношений, топографической обстановки, экономического уклада, психического строя, приобрели достоинство и конкретную силу художественного воспроизведения изучаемой эпохи в наглядных образах»³⁸. Однако новое содержание уложилось в тех же основных очертаниях, к ним приноровленное, хотя они не из него сложились. При этом особенности традиционной схемы и ее внутреннее противоречие, с одной стороны, утверждение преемственной связи исторической жизни севера с киевским югом – с другой, выяснение их резкой противоположности и самостоятельных корней северорусского исторического процесса выступили тем более отчетливо и решительно.

В представлении Ключевского, Ростовская земля – это «край, который лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем»: «Здесь в XI и XII вв. жили три финских племени – мурома, меря и весы». Смешение с ними русских переселенцев создает великорусское племя. Когда «население центральной среднеднепровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны», произошел «разрыв» этой первоначальной народности, причем «широкое, медленное и рассеянное движение» переносило в течение XII—XIV вв. массы населения из юго-западной полосы Руси на северо-восток. Эти «массы» переселенцев с юга выступают у Ключевского основным колонизационным материалом, которым питается рост Северо-Восточной Руси; их тип, характер, строй быта перерабатываются путем смешения с местными инородцами и под

влиянием новых географических и экономических условий, до решительной противоположности прежнему, южному. Первый крупный момент этой колонизации – тот, когда «переселенцы скучивались в треугольник между Окой и Верхней Волгой»: это «время образования и возвышения Владимирского края, возникновения в нем первых уделов, время возрастания и ее первых политических успехов». Тут слагается новая народность, возникает иной уклад социально-политических отношений, начинается новая историческая жизнь. Ее первая политическая форма – княжеский «удел», отождествляемый и Ключевским с «опричниной», как «удельным гнездом» княжеской семьи. Удел выступает перед нами только в XIV—XV вв., но на образовании уделов этого позднейшего времени *«можно наблюдать продолжение или даже конец того процесса, начало которого, менее для вас открытое, создало первые уделы в Северной Руси»*³⁹. Характерны для «так называемого удельного порядка» новый владельческий тип князя-вотчинника и новый общественный тип боярина, служилого землевладельца. Само это «княжеское удельное владение» приняло черты «простого частного землевладения», боярского; а в частности, «теперь уделы вообще наследуются по завещанию, передаются по личному усмотрению завещателя, а не по какой-либо установленной очереди»; удельное управление «довольно точная копия устройства древнерусской боярской вотчины». Притом, как и сама великорусская народность, создана не «продолжавшимся развитием старых областных особенностей», а выросла новообразованием из девственной почвы Верхневолжской Руси, так и «удельный» порядок сложился в зависимости от местных географических и этнографических условий и в прямом разрыве со всякой прежней традицией.

Изучая разнообразные последствия русской колонизации Верхнего Поволжья, «мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде», т.е. в Московском государстве. Правда, В.О. Ключевский называет «удельный» порядок – «переходной политической формой», но мы едва ли верно поймем его мысль, если придадим этому термину смысл эволюционного момента. «Государство, по мысли Ключевского, национальное русское государство вышло из этого удельного порядка XIV в., а не из прежнего, но не потому, что прежний порядок был более далек от национально-государственного, чем удельный XIV в., сами по себе оба имели мало того, из чего складывается народное государство, и последний даже меньше имел этого, чем первый. Оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаться такое государство; но последний гораздо легче было разрушить, чем первый, и только поэтому»⁴⁰ одно из удельных княжеств, вотчина Даниловичей, стало зерном народного русского государства»⁴¹.

В переработке В.О. Ключевского традиционная схема русской истории распадается на части. Исторические периоды как бы теряют свою методологическую условность. Каждый из них приобретает такую внутреннюю законченность и так решительно отграничивается от последующего, что связан с ним лишь весьма слабой эволюционной связью. Решителен перелом между Киевской и удельной Русью. И.Е. Забелин мог бы найти у Ключевского оправдание своей формулы, по которой в Суздальщине и Москве – «корень развития северной истории», а в Киеве – «корень, из которого развилась южная история». В.О. Ключевский говорит даже не о «модификации на великорусской почве киевских социально-политических форм, права, культуры», как М.С. Грушевский, а только об упадке «политических, экономических и церковных связей прежнего времени» и выясняет с необычайной конкретностью, как выросли из местных условий верхневолжской почвы новые общественно-исторические формы жизни, типы, отношения⁴².

Почти столь же решительна в изложении В.О. Ключевского антитеза удельного периода московскому.

Его общая схема ранней истории Северной Руси слагается из двух противоположных процессов: один «дробил эту Русь на княжеские вотчины в потомстве Всеволода III»; другой создан усилиями «одной ветви этого потомства», которой «пришлось начать обратное дело,

собирать эти дробившиеся части в нечто целое: Москва стала центром образовавшегося этим путем государства».

Так и у Ключевского анализ условий, вызвавших образование Московского государства, сводится к изучению «политических и национальных успехов московских князей». Быстрое усиление Москвы остановило процесс дробления Северо-Восточной Руси и собрало «дробившиеся части в нечто целое». Первый вопрос в изучении этого процесса – об источниках той московской силы, которая его создала, – разрешается указанием на два «первоначальных условия быстрого роста Московского княжества», на географическое положение Москвы и генеалогическое положение ее князя. Историческая схема вела к необходимости найти в самом городе Москве и его крае средоточие и источник сил и средств, развернутых затем в деле расширения территории и подчинения других князей. Рассмотрение выгод ее географического положения освобождает историка от *«загадочности первых успехов города Москвы»*, так как вскрывает *«таинственные исторические силы, работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования»*. Тут на первом плане «экономические условия, питавшие рост города»: Москва – пункт пересечения двух скрещивавшихся движений: переселенческого на С.-В. и торгово-транзитного на Ю.-В. Судя по позднейшим родословным преданиям боярских фамилий, с конца XIII в. в Москву *«со всех сторон собираются знатные служилые люди из Муромы, из Нижнего, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже из Киева и из Волыни»*. Эти предания, по Ключевскому, лишь отразили в себе общее движение населения: *«Знатные люди шли по течению народной массы»* и *«в Москву, как в центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы благодаря ее географическому положению»*. Анализ внешних условий положения Великороссии в XIV в. и утверждение, что мощный прилив населения с юга сделал Москву «этнографическим центром», освещают одну из основных причин «сравнительно более ранней и густой населенности Московского края», которой Москва обязана одним из важнейших условий своих загадочных первых успехов: первые волны этого прилива народных сил к Москве – в переселенческом движении из Днепровской Руси; колонисты с Ю.-З., перевалив за Угру, попадали прежде всего в Московский край и «здесь, следовательно, осаживались наибольшими массами». Скопление населения доставляло московскому князю существенные экономические выгоды, так как «увеличивало количество плательщиков прямых податей». С другой стороны, то же географическое положение благоприятствовало ранним промышленным успехам Москвы: *«Развитие торгового транспортного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами»*. Экономические последствия географического положения Москвы давали великому князю обильные материальные средства, а его генеалогическое положение в ряду потомков Всеволода III «указывало» ему, как всего выгоднее пустить их в оборот. Представитель одной из младших линий Всеволодова потомства, он *«не мог питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старший великокняжеский стол»*, оказывался «наиболее бесправным князем среди родичей». Обездоленный князь, «не имея опоры в обычаях и преданиях старины», вырабатывает «своеобразную политику»: московские князья *«раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новые пути, не задумываясь над старинными счетами, над политическими преданиями и приличиями»*.

Так выясняются у В.О. Ключевского основные причины, которые сделали Москву и ее князей великой исторической силой: разрушая старые традиции, эта сила пошла против преобладавшего движения северной жизни к дроблению и начала «обратное дело» собирания частей Верхневолжской Руси в новое целое.

Это «новое дело» не опиралось, по представлению Ключевского, ни на какую историческую традицию, а потому могло лишь очень постепенно и поздно получить общее наци-

онально-политическое значение. Первая его стадия – расширение территории московских владений за счет скупки чужих земель, их насильственным захватом, иногда «дипломатическим захватом с помощью Орды», служебным договором с удельным князем, наконец, захватом колонизационным – расселением из московских владений за Волгу. Образцовый правитель-хозяин – московский князь умеет не только приобретать, но и сохранять свои приобретения и налаживать в них порядок. Второй момент – приобретение великокняжеского влияния: сила Москвы и ее ловкая политика дают Великороссии отдых от внешних тревог и ко времени Дмитрия Донского сообщают московскому князю значение «национального вождя Северной Руси в борьбе с внешними врагами». Это значение поддержано перенесением в Москву митрополичьей кафедры: многозначительный факт этот произошел, по Ключевскому, довольно случайно, в связи опять-таки с географическим положением Москвы: через нее лежал путь митрополита из Владимира в юго-западные епархии; митрополит Петр часто бывал тут, подружился с Иваном Калитой, тут и умер: эта «случайность» стала заветом для дальнейших митрополитов. Все это обуславливало «территориальный и национальный рост Московского княжества», которое «вбирало в себя разьединенные части Русской земли» и, поглощая другие русские княжества, превратилось в национальное русское государство.

Параллельно этому процессу нарастал и другой – «политический подъем» одного из московских князей, которому, как старшему в московской княжеской семье и в то же время великому князю, наибольшей долей доставались выгоды внешних успехов, достигнутых Московским княжеством. Главный фактор того «политического возвышения», которое в конце концов превратило московского великого князя в единодержавного русского государя, – постепенное увеличение доли вотчинного наследства, какая «на старейший путь» выпадала по духовным грамотам старшему сыну. *«Посредством такого вотчинного фактического преобладания, без политических преимуществ, этот великий князь и превратился в государя не только для простых смертных, но и для самих удельных князей»*. Случилось так потому, что «фамильные усилия московских великих князей встретились с народными нуждами и стремлениями». Собственным мотивом деятельности этих князей был *«династический интерес, во имя которого шло и внешнее усиление их княжествам и внутреннее сосредоточение власти в одном лице»*. Но их успехи создали в конце концов, когда «к половине XV в. среди политического раздробления сложилась новая национальная формация», великорусскую народность, готовую форму для осуществления назревшей новой потребности народной массы *«в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения»*. Тогда – во времена Василия Темного и Ивана III – *«затаенные и долго дремавшие национальные и политические ожидания и сочувствия великорусского племени, долго и безуспешно искавшие себе надежный пункт прикрепления, сошлись с династическими усилиями московского великого князя и понесли его на высоту национального государя Великороссии»*. Таковы «главные моменты политического роста Московского княжества»⁴³.

В лекциях В.О. Ключевского эти «главные моменты» резко расчленены и ярко охарактеризованы. Их четкие очертания доведены до решительного противопоставления противоположных друг другу явлений и процессов в исторической жизни Великороссии. Для достижения сильной конкретности изложения, столь привлекательной в трудах В.О. Ключевского, пришлось удельный распад Великороссии представить первичным историческим явлением ее судеб, которое выросло непосредственно из условий колонизации Русского Северо-Востока; представить саму эту колонизацию сравнительно поздним явлением, а образование «великорусской народности» датировать серединой XV в., отнести его к моменту «встречи» фамильных усилий московских князей с народными нуждами и стремлениями. Отдельно строилась «форма» будущей великорусской государственности в вотчинном московском мирке; отдельно слагалось ее будущее содержание в нараставших потребностях «новой национальной фор-

мации». Яркая драматизация исторической схемы находит затем свое разрешение в появлении на исторической сцене «национального государя Великодержавии», который указывает выход из удельной неурядицы и татарского порабощения в создании твердого государственного порядка.

В одной из давних статей своих П.Н. Милюков охарактеризовал труды корифеев русской исторической науки термином «юридическая школа в русской историографии»⁴⁴. Действительно, к ним в значительной мере прилагается та характеристика, какую А.Д. Градовский дал по поводу труда В.И. Сергеевича «Вече и князь», – «сочинения по истории русского права»: их задача – раскрытие «начал», проявление которых в историческом процессе указывается на примерах, взятых из русской истории; исторический материал не играет тут самостоятельной роли; он важен лишь настолько, насколько «в нем можно изучить проявление юридических начал»⁴⁵, притом, надо заметить, начал, установленных в самом содержании своем – вне прямой зависимости от анализа данного исторического материала.

Таким преобладанием социологического догматизма в самом методе «юридической школы» объясняется то обстоятельство, на первый взгляд странное, что фактические данные, какими оперирует наша историография в изучении вопроса о возникновении Великодержавного государства, освещаемые с различных точек зрения, остались, по существу, без пересмотра, а самые источники, откуда эти данные почерпнуты, – без достаточного анализа. Весь этот вопрос, один из важнейших для русской исторической науки, можно сказать, ни разу не подвергался монографической обработке, так как работы Станкевича, Вешнякова, Полежаева только отражали, по-своему, общие построения профессорских курсов. Поэтому попытка более конкретно пересмотреть данные исторического материала, каким мы располагаем для выяснения условий образования Великодержавного государства, вне зависимости от традиционных историко-социологических схем и концепций, представляется автору этих строк задачей в полной мере насущной. Дело в том, что простой обзор – возможно, внимательный и полный – подлинного фактического материала, какой нам дают источники, приводит к любопытному и научно-ценному выводу: господство теоретических построений в нашей историографии привело к такому одностороннему подбору данных, при котором выпадало из их комплекса все, что не годилось для иллюстрации установленной схемы, не подтверждало ее предпосылок; пострадало при этом и критическое отношение к источникам. Важнейшие из них – духовные и договорные грамоты и летописные своды – еще ждут тщательного исследования. Для грамот мы не имеем полного и научно-точного издания; их анализ сводится к статье Чичерина, во многом не удовлетворяющей требований историка. Изучение летописных сводов лишь недавно поставлено с надлежащей широтой и глубиной в трудах А.А. Шахматова, а выводы этого изучения еще не использованы для пересмотра истории XIV—XVI столетий.

2. Северо-Восточная Русь до татарского нашествия. Ростовско-Суздальская земля в XII—XIII веках

Ростовская земля занимает совсем особое место в представлениях русской историографии. Она выступает в историографической традиции новообразованием XII—XIII вв. Продолжая построение, данное еще С.М. Соловьевым, В.О. Ключевский говорит о ней как о крае, который *«лежал вне старой коренной Руси и в XII веке был более инородческим, чем русским краем»*, а подлинную русскую колонизацию ее связывает с тем моментом, когда «главная масса русского народа» отступила «перед непосильными внешними опасностями с днепровского Юго-запада к Оке и Верхней Волге». Поэтому изучение последствий русской колонизации Верхнего Поволжья дает Ключевскому возможность изучать *«самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде»*. Увлекательная задача – проследить образование на девственной почве нового уклада политической и общественной жизни – дала В.О. Ключевскому лучшие, быть может, страницы его неподражаемого «Курса русской истории». На фоне первобытной природы с полудиким финским населением яркой фигурой выступает князь-вотчинник, колонизатор и организатор, подымающий личными усилиями культурную новину. Этот образ создан С.М. Соловьевым и художественно разработан В.О. Ключевским в яркой антитезе: *«Военный сторож и подвижной вотчин всей Русской земли, князь с XIII в. становится на севере сельским хозяином-вотчинником своего удела»*⁴⁶. Колумбом Поволжья выступает Юрий Долгорукий. *«Здесь, на севере, в обширной области,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.